

Жозе-Мариа де Эредиа. Трофеи. Сонеты в переводе Михаила Травчетова. На французском и русском языках / Предисл. и коммент. Б. Романова, изд. подгот. М. С. Гутник, Ю. Г. Фридштейн, А. В. Чернов. М.: Центр книги Рудомино, 2016. 336 с.

В самый канун 1893 года в Париже произошло знаменательное событие: в издательстве Альфонса Лемерра вышла долгожданная книга сонетов Жозе-Мариа де Эредиа «Трофеи». Этого единственного, как позже выяснилось, сборника Эредиа оказалось достаточно для того, чтобы автор занял академическое кресло и вошел в историю европейской поэзии.

Верлен, далеко не всегда расположенный восторгаться современниками и в эпоху своего владычества над Латинским кварталом, приветствовал Эредиа с нескрываемым и уважительным восхищением: «Какое искусное владение формой, роскошной и щедрой! Свет, звук, блеск, чистота!» [Verlaine: 864] (перевод с франц. здесь и далее мой. — М. Я.).

Пройдя парнасскую выучку, овладев инструментарием самого утонченного калибра, Эредиа написал не просто книгу образцовых сонетов — виртуоз всегда показывает ту степень мастерства, когда начинается новое пространство избранного им искусства. Это, в частности, отмечал Бенедикт Лившиц в предисловии к «Трофеям» в переводе Д. Глушкова (Д. Олерона) — первому опубликованному по-русски полному корпусу книги: «Эволюция французской поэтической речи от Ламартина до Эредиа, проходившая под знаком постепенной конденсации словесного материала, уперлась в “Трофеи” как в свой последний предел» [Лившиц: 10]. Через полвека о подобном «последнем пределе» поэтического слова писал Иосиф Бродский применительно к «Котловану» Андрея Платонова, называя эту «конденсацию словесного материала» «тупиком языка» [Бродский: 163].

Мало кого столь часто и отчаянно переводили на русский язык, разве что Верлена и Рембо. Эредиа ненадолго пережил их обоих, но уже в ранге литературного памятника. Таким он и запечатлен русскими переводчиками. Существование Эредиа по-русски — это феномен культуры, но почему сонеты Эредиа, являясь символическим воплощением Парнаса, так полюбились русским поэтам, понять не просто.

Борис Николаевич Романов, благодаря подвижническому труду которого вышло уже третье собрание сонетов Эредиа, задается справедливыми вопросами: «Отчего в харьковской тюрьме Дмитрий Иванович Глушков, взявший псевдонимом название французского острова, некогда бывшего местом каторги, старательно и талантливо переводит Эредиа? Отчего в голодном и холодном Петрограде, потрясенном смертью Блока и расстрелом Гумилева, молодые поэты

под вдохновенным водительством Лозинского переводят Эредиа? Отчего в тридцатые темные и страшные годы, без особых надежд на издание, безвестные Михаил Травчетов и Виктор Василенко переводят Эредиа?» [Романов 2005: 4]

Согласимся с исследователем: «Для того, чтобы жить поэзией так, как ею жили в России, нужно было придавать особое, сакральное значение слову, которое у нас не однажды становилось “материальной силой” <...> Кроме одухотворяющей “Трофеи” магии поэтического слова острое чувство загадочности исторического времени, зоркий взгляд французского странника по векам и странам оказались дороги русскому читателю стихов» [Романов 2005: 4–6]. Верлен назвал это состояние духа «эстетическим героизмом» [Verlaine: 866].

Сто восемнадцать сонетов, вошедших в «Трофеи» и переведенных Михаилом Травчетовым (1889–1941) в 30-е годы прошлого столетия, входят ныне в литературный обиход — вслед за главной его работой, также не опубликованной в свое время, «Лузиадами» Луиса де Камоэнса, подготовленными к печати и изданными в 2014 году Центром книги Рудомино. Оба издания открывают не имя Травчетова — его переводы из испанской, португальской, французской поэзии известны — по крайней мере, любителям европейской лирики; «Лузиады» и «Трофеи» подтверждают его высокий статус мастера поэтического перевода, сумевшего на значительном поэтическом пространстве обуздать такие жесткие поэтические формы, как сонет и классическая октава.

Датой рождения сонета на русской почве считается 1732 год, когда появился перевод Василия Тредиаковского из французского поэта Жака Валье де Барро; речь идет о нашумевшем в ту пору покаянном сонете «Grand Dieu, tes jugements sont remplis d'équité...» знаменитого вольнодумца своего времени. За два века существования в России сонет превратился не только в излюбленную поэтическую форму (например, у поэтов Серебряного века), но и в пространство ревнивого соперничества переводчиков, как, собственно, это и случилось с «Трофеями» Эредиа.

Уже более полувека назад Е. Эткинд провел рекогносцировку и впервые сравнил еще не опубликованные в ту пору переводы из Эредиа, принадлежащие знаменитой Студии Лозинского, самому ее руководителю — и Михаилу Травчетову. И хотя общая оценка была не в пользу травчетовской интерпретации, Эткинд выделил основное в творческом методе переводчика, на что сейчас, при публикации полного корпуса «Трофеев» Эредиа–Травчетова, обращаешь особое внимание: переводам Травчетова присуща «почти прозаическая простота лексики», характерная для Эредиа, но приглушенная в переводах Студии [Эткинд: 111]. Б. Романов в подробном предисловии к этому последнему собранию «Трофеев» развивает и укрупняет

ет наблюдение Эткинда, обращая внимание на то, что переводческий почерк Травчетова «отличается от зачастую подчеркнутой декоративности переводов Студии, демонстрируя сознательную нацеленность на то, чтобы передать конкретность и предметность, иногда даже кажущуюся суховатой четкость оригинала» [Романов 2016: 23]. Очевидно, именно в этой области находится то новое, что привнес в перевод «Трофеев» Травчетов: романтической безоглядности переводов Д. Олерона и точной, но холодной архаизации переводов Студии противостоит живописность «с особой выразительностью простоты» [Романов 2016: 25]: «Квадрига белая божественного дня / Достигла огненной сияющей вершины, / И зыбким золотом расцвечены долины, / Земля наполнена потоками огня...»

Принцип опрощения оригинала в переводах Травчетова особенно заметен при сравнении с предыдущими переводами — вот первый катрен этого сонета «Охота» в переводе Студии М. Лозинского: «Все круче белые возносят скакуны / Квадригу в глубь небес, и жаркое дыханье / Струит червонное в долинах колыханье. / Безмерным пламенем холмы опалены».

Инверсионность стиха, архаика с вкраплениями амфиболии (во второй-третьей строке катрена) — характерный почерк Студии, в той же мере, как и романтическая приподнятость (лексически близкая работам Студии), свойственная Д. Олерону: «Квадрига на скаку взлетает под зенит, / И белых жеребцов горящее дыханье / Струит в цветистый дол и дрожь и колыханье / И страстный лик земли пожаром багрянит».

А вот зачин этого сонета в интерпретации Г. Шенгели: «Четверка жеребцов, летя во весь опор, / Взбегает на небо; их жаркое дыханье / Равнины золотой волнует очертанье; / И чует грудь земли их пламеносный взор».

Все эти переводы выполнены в одну и ту же эпоху, на стыке 10-х и 20-х годов; переводчики не были знакомы с работами друг друга — тем характернее употребление ими одного и того же рифменного репертуара; Травчетов преодолел это поверхностное исполнительство, но и он не решил, может быть, главной формальной задачи, стоящей перед переводчиком «Трофеев», — каким образом передать на родном языке феноменальное богатство глубоко рифмующих слов оригинала. Внимательное чтение выявляет и другие изъяны: строка то удлиняется на стопу, то усекается, нарушаются цезура и эвфония стиха. Это не вина, а беда переводчика, ранняя и скоростигшая смерть которого не позволила ему донести свой труд до стола редактора. Но эти огрехи не мешают оценить работу М. Травчетова, равно как и труд его комментатора и истолкователя Б. Романова, утвердившего «Трофеи» в нашем поэтическом сознании, а заодно давшего читателю возможность приобщиться к открытиям сопоставительной поэтики.

Литература

Бродский И. Предисловие // Платонов А. Котлован. Анн-Арбор: Ардис, 1973. С. 163—165.

Лившиц Б. Хозе Мария де Эредиа и его «Трофеи» (вместо предисловия к русскому изданию) // *Эредиа Х. М. де. Трофеи* / Перевод Д. И. Глушкова (Д. Олерона). Л.: Государственное издательство, 1925. С. 5—13.

Романов Б. Крылатая победа. Жозе-Мария де Эредиа и русский сонет // *Эредиа Ж.-М. де. Сонеты в переводах русских поэтов*. М.: Прогресс-Плеяда, 2005. С. 3—44.

Романов Б. Сонеты Жозе-Мария де Эредиа. Еще одно прочтение // *Эредиа Ж.-М. де. Трофеи. Сонеты в переводе Михаила Травчетова*. М.: Рудомино, 2016. С. 7—27.

Эткинд Е. Поэзия и перевод. М.: Советский писатель, 1963.

Verlaine P. José-Maria de Heredia // *Verlaine P. Œuvres en prose complètes*. Paris: Gallimard, 1972. (Bibliothèque de la Pléiade). P. 863—867.

Bibliography

Brodsky J. Predislovie [Foreword] // *Platonov A. Kotlovan* [The Foundation Pit]. Ann-Arbor: Ardis, 1973. P. 163—165.

Etkind E. Poeziya i perevod [Poetry and Translation]. Moscow: Sovetskiy pisatel, 1963.

Livshits B. Khoze Mariya de Eredia i ego ‘Trofei’ (vmesto predisloviya k russkomu izdaniyu) [José-Maria de Heredia and His *Trophies* (Instead of a Foreword to the Russian Publication)] // *Heredia J.-M. de. Trofei* [Trophies] / Trans. by D. I. Glushkov (D. Oleron). Leningrad: Gosudarstvennoe izdatelstvo, 1925. P. 5—13.

Romanov B. Krylataya pobeda. Khoze-Maria de Eredia i russkiy sonet [The Winged Victory. José-Maria de Heredia and the Russian Sonnet] // *Heredia J.-M. de. Sonety v perevodakh russkikh poetov* [Sonnets Translated by Russian Poets]. Moscow: Progress-Pleyada, 2005. P. 3—44.

Romanov B. Sonety Khoze-Maria de Eredia. Eshche jedno prochtenie [Sonnets by José-Maria de Heredia. Another Perspective] // *Heredia J.-M. de. Trofei. Sonety v perevode Mikhaila Travchetova* [Trophies. Sonnets Trans. by Mikhail Travchetov]. Moscow: Rudomino, 2016. P. 7—27.

Verlaine P. José-Maria de Heredia // *Verlaine P. Œuvres en prose complètes*. Paris: Gallimard, 1972. (Bibliothèque de la Pléiade). P. 863—867.

Михаил ЯСНОВ

г. Санкт-Петербург